

— Иди в постель. — прошептал император.

Император протянул руку, ожидая поддержки. Но здесь не было ни слуг, ни придворных, а ассасин совершенно не разбирался в этикете. Он небрежно схватил императора за руку и обнял его.

Монарх, которого обняли за талию, открыл глаза и забыл о том, что нужно сопротивляться или протестовать, пока его ноги полностью не оторвались от земли. Убийца намеренно отпустил его руку и повернул человека, которого держал на руках, боком в воде, заставив императора поспешно обнять его за шею. Грубый обидчик воспользовался возможностью обнять императора и обернулся, выглядя так, словно сейчас он держал на руках невесту.

Император уставился на убийцу влажными от слез глазами и молча осудил его за дерзость, став более агрессивным, чем тот дружелюбный человек, которым он притворялся раньше. Убийца ухмыльнулся и вышел из ванной.

Спальня бросалась в глаза. В центре комнаты стояла большая кровать с балдахином. Столбик кровати был вырезан в форме журавля. Спальное место было выкрашено золотой краской, а сверху висела тяжелая светло-голубая занавеска. Простыни на кровати были очень толстыми, с кисточками, свисающими со всех сторон, и походили на большой пирог. Они стали еще больше похожи после того, как он положил императора на середину кровати. Ассасину стало жарко, и он бросился на него, как свирепый тигр, набрасывающийся на свою добычу. Он отскочил от кровати на полфута и дважды перекатился. Если бы кровать была недостаточно большой, большинство подушек уже были бы сброшены с нее. «Кто бы мог подумать, что постель аристократа такая мягкая?» Ассасин схватился за край кровати и тут же потерял рассудок, теперь настала очередь императора смеяться.

Это была всего лишь легкая насмешка, даже насмешки императора были довольно сдержанными. Но это была дружеская насмешка, а не злобная, как если бы он увидел собаку, кусающую себя за хвост, с долей привязанности. С начала их встречи и по сей день ассасин впервые увидел, как император смеется: с невежливой, незапланированной улыбкой. Когда император смеялся, все его лицо смягчалось, несколько тонких морщинок в уголках глаз разглаживались, а губы казались мягче. Убийца хотел поцеловать эту красивую линию губ, но на полпути почему-то почувствовал, что это неправильно, и вместо этого его губы коснулись шеи.

Рана, нанесенная его клинком, больше не кровоточила, оставив лишь тонкую красную линию. Тело убийцы было покрыто беспорядочными шрамами, любой из которых был намного серьезнее этого маленького шрама, но этот маленький шрам был нанесен императору, и он выглядел особенно ослепительно. На теле императора не было изъязнов, как на белом холсте, и оставлять на нем следы было грехом. Убийца облизал рану, которую он оставил, слизывая небольшой кровавый след.

Его губы соскользнули с шеи, задержались на груди, обхватив сосок. Плоть затвердела у него во рту, и ассасин почувствовал вкус кожи и биения сердца. Его рука ласкала талию императора, и он не смог удержаться, чтобы не задержаться на его паху. Талия императора была очень тонкой, ребра можно было нащупать, приложив небольшое усилие, а живот был мягким на ощупь. Рука убийцы легла ему на низ живота, и он внезапно осознал, что там есть утроба, место, где может родиться ребенок, место, где он сможет вскормить своих детей. Эта мысль заставила ассасина задрожать, а его член стал твердым и болезненным.

В любой другой день он потратил бы несколько часов, исследуя это тело губами, языком и

руками, возможно, в следующий раз, если бы это случилось снова. Сегодня ассасин не мог больше ждать. Его рука продолжала скользить по вылизанному входу, и толстые пальцы, покрытые мозолями от меча, поспешно расширили его. Ассасин обхватил колени императора, закинул его ноги себе на плечи, а затем прижал свой член к его входу.

Его член на удивление легко скользнула внутрь, и мягкие стенки щели мало-помалу обхватили его, пока они, наконец, не слились воедино. Пот ассасина капал на императора, он чувствовал, как тот сглатывает и напрягается, он мог чувствовать биение их пульса при этом соприкосновении. Очень хорошо, очень хорошо. В этот момент он был внутри тела императора, это было похоже на то, как если бы он был на небесах и в чистилище одновременно, желая проникнуть внутрь и открыть секретное место без всяких ограничений.

— Подожди! Нет, постой...

Император хныкал, и его голос был таким тихим, что его было не так заметно, как его пылающее тело. Он снова напрягся, слишком сильно, чтобы пошевелиться, но это не было проблемой. В этот момент стрела была на тетиве, и кинжал не может остановить убийцу. Не говоря уже о плохо тренированном теле или нескольких проклятиях и мольбах. Разве для того, чтобы стать убийцей, нужно быть хорошим, мягкосердечным человеком?

Просто император не ругался и не умолял, он, вероятно, даже не замечал, что говорит. Казалось, императора внезапно охватил кошмар, его широко открытые глаза потеряли фокус, и в них поднялось какое-то безумное настроение. Убийца мог распознать это; всякий раз, когда он сильно напивался, он ввязывался в необъяснимую драку, а когда он просыпался, пьяный в стельку, в каком-то незнакомом месте, он видел такое же выражение лица в своем отражении.

Это было истерическое отвращение к самому себе.

Это понимание в тот момент действительно остановило убийцу.

Император тяжело дышал под ним, моргая глазами и с трудом приходя в себя. Он был явно ошеломлен; вероятно, задавался вопросом, удивлен ли он своей оплошностью или тем, что убийца послушался его. Какое-то время он казался почти благодарным.

— Дай мне несколько секунд. — сказал император, пытаясь выровнять дыхание.

Он вытер лицо рукой. Поколебавшись, он протянул руку и схватил убийцу за предплечье. Убийца взял его руку, положил себе на плечо и наклонил голову, чтобы поцеловать его.

Слова императора были резкими и точными, но язык, произносивший их, был мягким и неловким. Ассасин посасывал его, успокаивал, соблазнял и постепенно расслабил тело в своих объятиях. Его руки блуждали по телу императора, поглаживая все, к чему он мог прикоснуться: покрасневшее лицо, гладкую спину, тело, покрытое потом, липнущее к нижней части тела... Открыть императора было все равно, что раздвинуть два тонких листа, склеенных вместе. Хрупкий лук требует большого мастерства и терпения. К счастью, убийца всегда был хорошим охотником.

Он ласкал тело под собой до тех пор, пока сопротивление не превратилось в угождение, пока оно вместе со своим владельцем не открылось ему в головокружительном желании. Ассасин успокаивал императора руками, заботясь о его мужских и женских органах, его большие ладони были влажными от телесных жидкостей. Император начал неосознанно тереть свою руку, закусив губу и раздраженный собственным желанием. Хотя он все еще не знал, о чем именно просит, отчаянные мысли рассеивались и превращались в кашу перед этим

яростным жаром. Император молча уткнулся лицом в шею убийцы, упершись пятками ему в спину.

Для его Величества императора это было почти равносильно восторженному кивку.

Ассасин был всего в шаге от предела своей выносливости. В тот момент, когда он получил разрешение, он внезапно нанес удар, как дикая лошадь. Император вскрикнул и чуть не вскочил с кровати, но был крепко пригвожден к ней, не в силах сдвинуться ни на дюйм. Его глаза были красными, пальцы ног подогнуты, а пятки еще сильнее вцепились в широкую спину убийцы, как будто он изо всех сил старался не свалиться с дикой лошади. Толстая кровать тоже начала раскачиваться, и неплотно завязанные занавески раздвинулись, упав вниз и окутав двух человек на кровати. Какое-то время единственное, что можно было разглядеть за пределами кровати, были две тени, переплетенные вместе, и невозможно было определить, кто есть кто.

Избавившись от сильного раздражителя, император в отместку укусил убийцу за плечо. В это время убийца был занят работой, мышцы его плеч и спины были напряжены, и ему было трудно говорить. Император оставил только два следа в виде полумесяца после того, как долгое время скрежетал зубами. Ассасин пережил все виды сильных ветров и волн и перенес такую легкую атаку на кровати, что сила императора была даже не такой сильной, как у не проявляющей энтузиазм проститутки. Однако император дожил до этого возраста и никогда раньше никого не кусал, поэтому он немного пожалел о том, что сделал его. Он вздохнул с облегчением и лизнул его еще несколько раз. От кошачьих облизываний у ассасина зачесалось все тело, и ему захотелось проглотить императора за несколько глотков.

Это было так странно, что у императора чесались корни зубов, что вызывало желание прокусить ряд кровавых отметин и оставить синяки, довести этого безупречного аристократа до слез. Но на самом деле он не мог даже прикоснуться к нему пальцем. Лежа на кровати, убийца не мог не восхищаться каждым дюймом его кожи, и ему было невыносимо видеть, как теряется хотя бы капля крови. Убийца подумал про себя, что, возможно, некоторые люди рождались богатыми и занимали высокое положение в жизни, так что женихам приходилось сначала проходить через огненную стену, чтобы заслужить их. Если бы император не носил обуви, убийца, вероятно, позволил бы ему наступить на себя, чтобы тот не испачкал ноги.

Как странно, ассасина никогда не волновали сильные мира сего, он не был императором, и он прокрался во дворец, чтобы убить императора сегодня вечером. До сих пор он не считал императора Империи чем-то недостижимым, внезапная любовь и жалость были подобны тому, как бродяга держит бездомную кошку, принимая желаемое за действительное, думая, что может позаботиться о других.

<http://bllate.org/book/14303/1266027>